

НИКОНОВЕДЕНИЕ:
библиография, историография и историософия
© Шмидт В.В.
продолжение часть 11

1919 – 1949 ГОДЫ

В Новгороде в 1919 и 1920 гг. выходит в свет подготовленный Д.Д. Францем «Каталог Никоновского музея в Иверском монастыре близ г. Валдая».

В 1922 г. С.П. Мельгунов издает в Москве труд «Религиозно-общественные движения XVII–XVIII вв. в России».

В 1923 г. в репертуаре Петроградского государственного драматического театра появляется идеологически ангажированная трагедия в 5 действиях и 6 картинах «Патриарх Никон»*, написанная В.Ф. Боцяновским.

В 1926 г. в Праге Г.В. Вернадский издает «Византийские учения о власти царя и патриарха» в «Сборнике статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова».

В 1927 г. в Ленинграде в «Русской исторической библиотеке» (Т. 39. Кн. 1. Вып. 1) изданы «Памятники истории старообрядчества XVII в.».

С 1931 по 1939 г. в Варшаве выходит непревзойденный по уровню осмысления и масштабности привлеченного к анализу материала трехтомный труд профессора Варшавского университета М.В. Зызыкина «Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи» (далее: «Патриарх Никон...»)¹, который воспроизведен репринтом в Москве лишь в 1995 г. Лишь в 2004 г. в Москве будет издан ряд неизвестных статей М. Зызыкина, которые составят объемную книгу «Царская власть в России» (Серия «Наследие Русского Зарубежья»)

* Эта постановка не была осуществлена. К созданию подобного театрального действия приступят лишь в конце XX – начале XXI в. (2003 г. – Опера «Патриарх Никон»).

¹ В ч. III дан обширный обзор изданных до начала XX в. отечественных и зарубежных источников – кратко изложены позиции авторов в отношении к Патриарху Никону и его деятельности.

В 1937 г. в Ленинграде увидел свет выдающийся исторический роман (в 4-х частях) о Смутном времени и царствовании Алексея Михайловича *А.П. Чапыгина* «Гулящие люди», – который был несколько раз переиздан (в пятитомном собрании сочинений в Ленинграде в 1967–1969 гг. и в Москве в 1994 г.). В 1988 г. на Центральной киностудии детских и юношеских фильмов им. А.М. Горького была осуществлена одноименная экранизация этого романа (3 серии) режиссером И. Гуриным по сценарию В. Потейкина и И. Гурина.

В военный и послевоенный периоды проблема «русского патриаршества» была чрезвычайно актуальна (в качестве дополнения следует упомянуть, что в трагические периоды гражданско-государственной жизни общественное сознание актуализирует ценностно-значимые, возвышающие патриотические чувства примеры исторического прошлого – так случилось и в конце XX – начале XXI в.)*. В аспекте просветительской, политико-

* Об этом ниже. Здесь же приведем пример публикации журнала «Журналист» 2003 г. № 12 под заголовком «Три иерарха», в которой читаем: «Алексий. Еще через триста лет Патриархи Филарет и Никон стали “Великим государями”. Так православная Церковь создала и утвердила общерусское государство. ... В русском средневековье князья, за редким исключением Александра Невского или Владимира Мономаха, преследовали свои удельные или же властные цели. А Церковь мыслила только общегосударственными масштабами. Потому что она по природе своей может жить только общенациональными интересами – это ее естественное и единственно возможное состояние. Другое дело – есть ли в данный момент силы и люди в Церкви, могущие противостоять, пресечь хаос и разобщение. Как видим, и силы, и люди нашлись. Не прояви в те годы мудрость и твердость Русская Церковь – еще неизвестно, какой была бы судьба сегодняшней страны. С каждым десятилетием Церковь утверждала и утвердила в буйной княжеской пастве идею общерусского государства. ... Спустя три века ситуация повторилась, когда на Руси настало Смутное время. Вот тогда-то и сказала свое слово Церковь. Прежде всего – Патриарх Гермоген, архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын. Их послания распространялись по всей стране, это на них откликнулся Кузьма Минин. ... Фигура Патриарха Филарета весьма неоднозначна... Став правителем Руси, Филарет практически заново создавал государственную власть... Не будь Филарета, еще неизвестно, что могли натворить кичливые высокородные Мстиславские, Шуйские, Трубецкие, не считавшие Романовых ровней себе. Но при твердой руке Патриарха никто из них уже не решался затеять новую смуту. Жестоко подавили и усмирили со временем и казаков, которые тогда терроризировали всю страну и подступали к Москве... В 1652 г. Никон становится Патриархом, а затем – Великим Государем... Интересы, планы, деяния Никона простирались далеко. Он принимал самое деятельное участие в присоединении Украины к Руси... посылал ратников и казаков на завоевание берегов Финского залива! За пятьдесят лет до того, как в правящих кругах Руси появляется мысль о выходе к Балтике...

Так три церковных иерарха взяли и несли бремя светской власти в самые тяжелые для страны времена. Алексий и Филарет умерли в спокойствии, а вот Никону выпала иная

идеологической работы обращает на себя внимание и деятельность РПЦ: начавшийся издаваться с 1931 г. «Журнал Московской Патриархии» по 1935 г. выпустил 24 номера, в которых отражалась лишь внутрицерковная жизнь. Институционально реанимированная в сложнейших условиях Второй мировой и Великой Отечественной войны РПЦ² с 1943 г. возобновляет и журнал³.

доля... Но он пережил неблагодарного воспитанника (кстати, немногие знают, что перед своей смертью Царь Алексей отправил ему послание с просьбой о прощении...) и издали смотрел, как все-все повторяется. Вначале страну сотряс новый поход на Москву казаков во главе со Степаном Разиным, а затем, после смерти Алексея, при четырнадцатилетнем Федоре (снова малолетний царь!) началась новая боярская свара. Разве при нем, при Никоне, посмели бы?!

В книгах дореволюционных историков Алексей, Филарет и Никон присутствуют только на втором плане, как фигуры второстепенные. А уж в коммунистической историографии – тем более. Разве что о Никоне говорится подробнее, но лишь как о реформаторе Церкви. И получается, что в труднейшие для Руси времена страной правили девятилетний(!) Дмитрий, шестнадцатилетний Михаил и пятнадцатилетний Алексей?..

Но вот что странно. Сейчас у нас Церковь в центре внимания, не говоря уже о том, что все бывшие безбожники со свечками стоят. Однако почему-то почти не говорится об истинной роли и значении Церкви в становлении государства. О чем я и напоминаю сим кратким очерком. И повторяю: *Русское государство создала и укрепляла Православная Церковь*».

² См.: История религий в России: Учебник / Под ред. О.Ю. Васильевой, Н.А. Трофимчука. М., 2004. Раздел. II: Православие. Гл. 6: Русская Православная Церковь в советский период.

В этот же период, в 1942 г., иерарх Русской Церкви Зарубежом *архиеп. Серафим (Соболев)* в Софии издает, в частности, «Искажение православной истины в русской богословской мысли».

³ Приводим обзор религиозно-патриотических статей за период 1943–1950 гг., по которому легко проследить кластерные показатели и их динамику.

1943 г. № 2: Святой Благоверный Великий Князь Александр Невский – покровитель Северного края (*митр. Алексей*), Танковая колонна Русской Православной Церкви им. Димитрия Донского (*митр. Николай*).

1944 г. № 1: Патриарх Гермоген – великий патриот земли русской (*Т.М. Богословский*), Святой священномученик Исидор, пресвитер Юрьевский, и 72 иже с ним (*А.О.*); № 3: Значение Патриаршества в жизни Православной Русской Церкви вообще и современной в особенности (*С. Савинский*), Жребий святого Кукши (*еп. Димитрий*); № 4: Святые Кирилл и Мефодий – первоучители словенские (*Ф.М.*), Русское православное духовенство в Великой Отечественной войне 1812 г. (*И.Н. Шабатин*), Дьячок Василий Рагозин – герой-партизан 1812 г. (*М. Архангельский*); № 7: Святой равноапостольный Князь Владимир (*А. Невский*); № 8: Первый Патриарх Московский (*проф. Г.П. Георгиевский*), Еще о великом патриоте земли русской [Патриархе Гермогене. – *В.Ш.*] (*И.Н. Шабатин*), Великий Князь святой Александр Ярославович Невский (*А. Молчановский*), Московские святые: Иверская икона Божией Матери (*Т.М. Богословский*); № 9: Патриархи Московские (1589–1944) (*Пр. Г-ий*), Преподобный Сергей Радонежский (*И.Н. Шабатин*); № 10: Андрей Рублев (*М.В.*), Почему Русская Православная Церковь празднует Казанской иконе Пресвятой Богородицы 22 октября (*А. Молчановский*), Московские святые: Казанская икона Божией Матери (*Т.М. Богословский*); № 11: Святитель-патриот святой Митрофан, епископ Воронежский († 23.11.1703) (*А. Молчановский*), Почитание святого Николая Мир Ликийских чудотворца в

Древней Руси (*А. Невский*), Московские святыни: Владимирская икона Божией Матери (*Т.М. Богословский*); № 12: Два проекта восстановления Патриаршества в России в XVIII в. (1742 и 1744 гг.) (*А. Молчановский*), Московские святыни: Донская икона Божией Матери (*Т.М. Богословский*).

1945 г. № 1: Виктор Васнецов как религиозный художник (*С.М. Алфеев*; оконч. в № 3), Московские святыни: Тихвинская и Смоленская иконы Божией Матери (*Т.М. Богословский*); № 3: Святой Иоасаф, епископ Белгородский: Из истории Русской Церкви XVIII столетия (*А. Молчановский*), Московские святыни: Иерусалимская икона Божией Матери (*Т.М. Богословский*); № 4: Созвездие великих ревнителей объединения: Московские Святители – митрополиты Петр, Алексей, Иона и Филипп (*Н. Волнянский*), Московские святыни: Грузинская икона Божией Матери (*Т.М. Богословский*); № 5: Икона Божией Матери «Взыскание погибших» (*Т.М. Богословский*); № 6: Великий христианский просветитель XVI в. Максим Грек (*Н. Волнянский*), Иконы Божией матери «Нечаянная радость» и «Целительница» (*Т.М. Богословский*); № 7: Древнерусская иконопись в Третьяковской галерее (*Н. Сергеев*), Икона Божией Матери «Утоли моя печали» (*Т.М. Богословский*); № 9: Преподобный Нестор Летописец, отец истории Руси (*Н. Волнянский*), Симон Ушаков (*Н. Сергеев*), Икона Божией Матери «Споручница грешных» (*Т.М. Богословский*); № 10: Михаил Васильевич Нестеров (*Н. Сергеев*), Боголюбская икона Божией Матери (*Т.М. Богословский*); № 11: На разрушение Нового Иерусалима: стихотворение (*В.А. Мамуровский*), Суздаль и его святыни (*И.С.*), Мцхет: К пребыванию Святейшего Патриарха Алексия в Грузии (*А. Шаповалова*); № 12: Внутренние законы и внешние узаконения в истории древнерусской иконописи (*Н. Сергеев*).

1947 г. № 1: Строгановская школа в русской иконописи (*Н. Сергеев*); № 2: Русские святые (*Г. Звенигородский*), Успенский собор в Троице-Сергиевой лавре (*Г. Александров*); № 3: Святая равноапостольная Нина – просветительница Грузии (*Н. Волнянский*), Патриотическая деятельность духовенства Казанской епархии в Отечественной войне 1812 и 1941–1947 гг. (*еп. Гермоген*), Московский Новодевичий монастырь (*Г. Звенигородский*); № 4: Иван Данилович Калита и Русская Православная Церковь (*Н. Волнянский*), На родине Василия Блаженного (*проф. Г.П. Георгиевский*); № 5: Святой Митрополит Алексей – великий поборник возвышения Москвы (*Н. Волнянский*); № 6: Митрополит Макарий – светоч русской культуры XVI в. (*Н. Волнянский*), Святой Димитрий, митрополит Ростовский (*свящ. В. Ганецкий*), Смоленск: его историческое прошлое и значение его в истории Русской Церкви и государства (*прот. В. Поликарпов*); № 7: Подвижницы русской земли [прпп. Анна Кашинская и Иулиания Муромская, кнг. мц. Иулиания Вяземская] (*Г. Звенигородский*), К истории Нижегородской епархии (*еп. Зиновий*); № 8: Ко дню Бородинской битвы (*прот. Н. Харьюзов*), Преподобный Серафим (*Н. Волнянский*); № 9: Патриарх Никон (*Н. Волнянский*), Святой Иоанн, епископ Суздальский (*И. Спасский*), Храм во имя Всех Святых в селе Всехсвятском (*В.П.*); № 10: Троице-Сергиева Лавра – символ единства Руси (*архим. Вениамин*), Многострадальная Грузия (*прот. Н. Харьюзов*), Святой Афанасий, Патриарх Цареградский, Лубенский Чудотворец (*свящ. И. Сильвестров*), Звенигородский Успенский собор (*Г. Александров*); № 11: Москва (*С. Алфеев*), К 30-летию Советской власти (*А. Шаповалов*), О границах распространения права власти Константинопольской Патриархии на «Диаспору» (*проф. С. Троицкий*), Несколько замечаний о первохристианстве у южных славян (*Н. Волнянский*).

1948 г. № 1: Святой Савва Сторожевский Звенигородский чудотворец (*прот. Н. Харьюзов*); № 2: Сибирские святители-чудотворцы (*архиеп. Варфоломей*; оконч. в № 3), Наследие апостола Фомы (*А.С. Буевский*), Праздник Богоявления в старой Москве (*проф. Г.П. Георгиевский*), Идеология Карловацкого раскола (*проф. С. Троицкий*); № 3: Новозаветная письменность в древнецерковном предании и библейская критика Нового времени (*проф. В.В. Четыркин*), Древнерусская иконопись (*С.М. Алфеев*); № 4: К 500-летнему юбилею автокефалии Свято-Русской Православной Церкви (1448–1948) (*Н.*

Одной из первых программных статей в № 3 ЖМП за 1944 г. была работа *С. Савинского* «Значение Патриаршества в жизни Православной Русской Церкви вообще и современной в особенности», в которой Первоиерарх России в сложнейший период ее истории – вторая половина XVII в. – представлялся так (с. 34-37):

«Самой крупной фигурой первого патриаршего периода Русской Церкви был, несомненно, Патриарх Никон. Вот что говорит о нем такой знаток русской церковной истории, как проф. Е.Е. Голубинский: “Заслуга Патриарха Никона состоит прежде всего в том, что он сам переменял мнение о греках, как виновниках еретических новшеств, как отступивших от чистоты православия, и начал считать виновниками привнесения

Муравьев); № 5: Епископ Феофан Затворник и его духовное наследство (*И.Н. Шабатин*), О Д.С. Бортнянском (*прот. Н. Скворцов*); № 6: Почитание святых (*Н.В. Лебедев*), Константинопольская Патриархия и балканские славяне в 50–70 гг. XIX в. (*И.Н. Шабатин*); № 7: Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы (*прот. В. Верюжский*; оконч. в № 11, 12); № 8: Памяти великого русского патриота [архим. Троице-Сергиевой лавры прп. Дионисий Зобниковский] (*архим. Вениамин*); № 9: Московская Гавриило-Архангельская, что на Чистых прудах, церковь (Меньшикова башня) (*Г. Александров*), Великое падение (*А. Сергий*); № 10: Высшая церковная иерархия в Древней Руси (*П. Имшенник*), К 500-летию образования Русской Церкви (*В. Никонов*), Ватикан и его политика (*Н. Плесецкий*), Обитель святого Сергия (*А. Порошин*); № 11: Харьковский Святитель Мелетий Леонтович (*архиеп. Стефан*), Памяти Григория Федоровича Львовского (*Л.Н. Парийский*).

1949 г. № 1: О пастыреводительном характере творений Святителя Димитрия, митрополита Ростовского (*архиеп. Варфоломей*), Место устной традиции в развитии древнерусской мысли (*проф. А.И. Сагарда*; оконч. в № 2), Святой преподобномученик Афанасий, игумен Брестский (*В. Никонов*), Преподобная Евфросиния, княжна Суздальская: К 700-летию со дня кончины (*И. Спасский*), Великая святыня Приамурья (*прот. А. Левицкий*), Солнце на Руси (*М. Павлов*); № 3: Русская Православная Церковь и Рим (*В. Никонов*; оконч. в № 4, 7, 11), О смысле ветхозаветных прообразов (*И. Попов*), Московская церковь Успения в Гончарах (*Г.А.*); № 4: Апостольский подвиг Святителя Стефана Пермского (*А. Крашенинников*), Восточная церковная политика Римских Пап – Бенедикта XV, Пия XI и Пия XII (*архиеп. Гермоген*), Русско-сербские церковные отношения (*проф. И. Шабатин*); № 7: Митрополит Московский Иннокентий (*В. Алексеев*), Церковно-политическое значение Троице-Сергиевой Лавры в истории Русского государства (*В. Васильев*), Пламя вдохновенной любви к Родине (*М. Павлов*); № 8: Первая служба всем русским святым (*И. Спасский*), Из истории воссоединения белорусских униатов (*проф. И. Шабатин*); № 9: Характеристика деятельности Ватикана за последние 20 лет (*архиеп. Гермоген*); № 10: Преподобный Иов – борец за святое Православие [*иером. Иннокентий (Моферов)*], Мученик-подвижник за веру православную и за свой народ: К годовщине мученической кончины протопресвитера о. Гавриила Костельника, † 21.09.1948 (*В. Теплов*); № 11: О церковном пении (*Л. Парийский*).

1950 г. № 1: Памяти В. Смоленского (*Л. Парийский*); № 2: Великий строитель Московской Руси: К празднованию памяти Святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси (*А. Ведерников*), Обличение Папства католическим святым (*Л. Парийский*); № 3: Ревнитель церковного единства: К 25-летию со дня кончины Патриарха Тихона (*А. Ведерников*); № 6: О единоверии: К 150-летию его существования (*Е. Шлеев*), Ватикан и Румынская Православная Церковь (*свящ. Ливиу Стан*); № 10: Церковь Иверской земли (*В. Днепров*).

еретических и погрешительных новшеств в церковные книги не греков, а нас самих. А вслед за Патриархом ошибочное мнение о греках изменили и представители Русской Церкви, а за ними последовало и большинство ее членов”. ... Сам по себе Патриарх Никон едва ли был бы в состоянии возвыситься до сознания несправедливости нашего мнения о греках, замечает тот же проф. Е.Е. Голубинский, но он способен был внимать и внял представлениям относительно сего людей посторонних – Иерусалимского Патриарха Паисия и киевских ученых. Готовность Патриарха Никона слушать речи Паисия, разумеется, зависела от свойств и качеств его ума. “Нужна была терпимость, – говорит Голубинский, – которая дозволила бы Никону слушать доводы против того, что составляло и Москве твердое убеждение; нужна была сила ума, чтобы признать основательность доказательств, и, наконец, нужна была смелость ума, чтобы не смущаться мыслию о необходимости изменить существовавшее доселе убеждение. Что Патриарх Никон отличался силою и смелостью ума, это есть факт общеизвестный. Но и терпимость нужно приписать Патриарху Никону, так как терпимость есть свойство сильных умов, как и несмущаемость перед мыслию о возможности изменить взгляд, иначе невозможен был бы для них переход от предубеждений к убеждениям” (Богословский вестник. 1907. Янв. С. 31). Этим новым убеждением было у Патриарха Никона возникшее под влиянием киевских ученых (с Епифанием Славинецким во главе) сознание превосходства киевского просвещения пред московским невежеством. Отсюда сознание, что еретические новшества допущены не греками, а русскими вследствие их невежества. Прислушиваясь к голосу киевских ученых, Патриарх Никон безбоязненно стал на сторону их воззрений, не обращая внимания на окружавшее его тупое невежество. Он признал, что разности в богослужебных книгах – это наши погрешительные новшества, и понял, что исправление наших богослужебных книг может быть совершено только при помощи современных греческих книг, а не старославянских рукописей. В этом убеждении Патриарх Никон предпринял свое исправление богослужебных книг и обрядов, и решительное большинство представителей Церкви (за исключением Павла Коломенского), а чрез них и мирян – членов Церкви, приняло и признало это исправление.

Из приведенной характеристики деятельности и воззрений Патриарха Никона открывается, что этот Патриарх, скажем словами другого известного историка христианской Церкви, проф. А.И. Лебедева, был передовым человеком своего времени. В своих стремлениях к улучшению церковного быта он шел впереди всех русских. Он понимал потребности времени в этом отношении и умел быстро и находчиво удовлетворять их. Почти во всех случаях он шел напролом закоренелым и заскорузлым взглядам своих современников. Он смело нарушил двуперстие и завел трехперстие по образцу греческому, несмотря на то, что авторитетнейший из русских соборов – Стоглавый – возвел чуть не в догмат двуперстие, а также несмотря на то, что предшественник Патриарха Никона – Патриарх Иосиф – особенно старался окончательно ввести в Русской Церкви двуперстное крестное знамение. Видно, продолжает Лебедев, что Патриарх Никон был решительным и неустрашимым реформатором. А таким он был потому, что сидел на Патриаршем престоле, который почти уравнивался с троном царским. Не будь Никон Патриархом, он не сделал бы того, что сделал. Это дело осталось бы на долю последующим поколениям,

и мы не знаем, сумели ли бы они справиться с труднейшей реформаторской работой. И что еще замечательно: сделанное Патриархом Никоном сделано в какие-нибудь шесть лет его патриаршества. А что было бы, если бы он патриаршествовал до своей смерти? Никон, заканчивает проф. Лебедев, остается единственным явлением в нашей церковной истории: ни до времени Патриаршего периода, ни после этого периода мы не встречаем в этой истории лица, равного с Патриархом Никоном по осуществлению нужнейших церковных реформ. И это единичное явление есть плод Патриаршего периода: едва ли можно сомневаться в том, что патриарший ореол воодушевлял и окрылял Никона в его предприятиях (Там же. С. 35).

Необходимо, однако, сказать, что и другие Патриархи так или иначе проявляли свои заботы о благе Церкви. Так, например, даже такой малоизвестный по своей деятельности Патриарх, как Иоасаф I, и тот на основании старых греческих книг внес исправление в одну из важнейших книг – Требник. О Патриархе Иосифе также нужно сказать, что он был несомненным сторонником просвещения. Это видно из напечатанной при нем в Москве Грамматики с предисловием, в которой обстоятельно и настоятельно, свидетельствами и примерами отцов и писателей церковных, доказывающаяся необходимость просвещения и сильно порицаются те христиане, которые ненавидят и отмегают внешнее учение, т.е. учение, касающееся не христианской православной веры, а обыкновенных человеческих знаний, заимствованных и не у христианских учителей (проф. Голубинский Е.Е. К нашей полемике с старообрядцами. М., 1905).

Заслуживают похвалы и некоторые другие Патриархи. «Достойные члены Церкви и государства, преданные интересам той и другого высоко ценили заслуги Патриарха Филарета, – говорит проф. Лебедев, – с похвалами отзываясь о нем самом». О Иоакиме же говорят: он был человек деятельный и с практическим складом ума. Благодаря стараниям Патриарха Иоакима, был уничтожен Монастырский приказ – учреждение, которое прежде служило наглядным выражением подчинения духовенства светскому суду. Держась одинаковых с Патриархом Никоном взглядов на богослужебную практику и книжное исправление, Патриарх Иоаким ревностно продолжал это последнее. Оценивая деятельность наших Патриархов, – заключает тот же ученый, – нужно еще помнить, что в этот сан избирали вовсе не лучших людей, а таких, которые, чем-нибудь нравились царю и умели угодить ему (Богословский вестник. С. 37). Итак, несомненно, что институт Патриаршества в течение ста лет его еще незрелой жизни действовал на благо Церкви. Естественно было бы ожидать, что в дальнейшем это благотворное влияние Патриаршества на устроение и упорядочение русской церковной жизни станет шириться и возрастать вместе с ростом и развитием всего Русского государства. Но тут историк Русской Церкви неожиданно наталкивается на конец Патриаршего периода. После смерти Патриарха Адриана преобразователь не пожелал иметь нового Патриарха, и достопочтенный церковный институт был отменен, а вместо Патриарха учрежден Синод.

Стоит только сравнить Уставную грамоту, в которой в свое время описывалось учреждение Патриаршества, с Регламентом, где указываются причины и поводы к отмене Всероссийского Патриаршества, чтобы понять и убедиться в той громадной

разнице для Церкви, какая открывается между этими высшими церковно-правительственными учреждениями и их значением для Русской Церкви.

Уставная грамота, скажем словами проф. Лебедева, дышит глубочайшим уважением к новому тогда учреждению. В ней видна радость, что «Церковь Русская возглавилась, что это такое счастливое событие, которого давно ожидали». В статьях же Регламента, касающихся учреждения Синода, находим одно резонерство – холодное отношение к новому высшему церковному органу. Видно, что Святейший Правительствующий Синод создается не ради любви и благоговения к Церкви, о которой даже ни разу не упоминается во всех этих статьях, а по мелким политическим расчетам».

В 1945 г. Журнал Московской Патриархии, продолжая свидетельствовать о разорении в ходе войны величайших отечественных святынь, в № 11 публикует стихотворение *В.А. Мамуровского* «На разрушение Нового Иерусалима»:

Да, Нового уж нет Иерусалима!
Пал памятник великой красоты,
Где, воплощая зодчество мечты,
В шатре гигантском вились херувимы.

Свирепый враг, от стен Москвы гонимый,
В сознании бессилья и тщеты
Поднял свои кровавые персты
На то, что в целом мире вечно чтимо.

Он думал нас разгромом испугать,
Заставить жить в обломках, среди пустыни,
Разрушить нашу гордость и святыни,

Отнять у нас искусства благодать.
Но Русь тогда свой бранный стяг подняла
И подавила бешенство вандала.

В 1947 г. ЖМП в № 9 поместил статью *Н. Волнянского* «Патриарх Никон», в которой отмечалось, что именно «тема Патриарха Никона откликается на духовные потребности Церкви наших дней». И это не случайно, поскольку послереволюционный, военный и послевоенный периоды жизни российско-советского общества, государства и Русской Православной Церкви, включая и внешнеполитическую их жизнь, вновь обострили все тот же комплекс проблем общественно-государственной целостности и мощи, теоретическое и практическое решение которых было дано еще в середине XVII в.

Так, Н. Волнянский в вышеназванной статье писал: «Рассмотрим кратко жизненный путь Никона-человека в неотрывной связи с Никоном-святителем, Никоном-реформатором, Никоном – сыном своей Родины. И, может быть, Господь даст нам уразуметь сущность его, Никона, духовного наследия. ... Быть может спокойное восстановление исторически верного облика Никона и подлинного содержания его деятельности поможет лучшему пониманию сущности церковного раскола и путей преодоления препятствий к направлению христианского сознания раскольников старообрядческих толков по более верному пути к единению во Христе...» (с. 29)⁴.

В этом же 1947 г. *В.П. Адрианова-Перетц* в ч. 2. т. IV 10-томной «История русской литературы» публикует исследование «Старообрядческая литература XVIII века» (с. 85—99), в котором, в частности констатирует:

«Старообрядческая масса, в которой было немало грамотных, хотя и не искушенных в тонкостях словесного витийства начетчиков, имела свою литературу, ближе отвечавшую ее невысокому культурному уровню. Воспитанные на нравоучительной и церковно-легендарной литературе Московской Руси книжники, вышедшие из этой демократической массы старообрядцев, создали довольно обширную безымянную литературу, отдельные произведения которой не поддаются в большинстве точной датировке и лишь изредка носят на себе следы какого-либо определенного “толка”. В этой среде по старым образцам продолжают слагаться украшенные повести и стихи о “предтече антихриста” – Никоне; народные предания сказочного характера и вырастающие на их основе повести внушают необходимость подчиняться некоторым бытовым запретам, например, не курить табак, не употреблять в пищу чай, кофе, картофель; значительное количество “стихов”, более или менее умело воспроизводящих форму виршей, рассказывает о важнейших событиях в жизни старообрядческих общин, о преследовании их никонианами, о внутренних несогласиях их, передает настроения людей, живущих мыслью о близком конце мира, мечты их об идеальной «пустыне», наконец, сатирически изображает никониан и их нововведения.

⁴ Далее, на с. 32, 36, читаем: «Восходя своими глубинными корнями ко временам митрополита Макария и его “Академии XVI в.», церковно-реформационные зародыши бледными стебельками пробиваются в начале XVII в. при Патриархе Филарете. ... Он же открывает в Чудовом монастыре эллино-славянскую школу и т.д. ... Мы согласны с теми, кто утверждает, что большая постепенность обеспечила бы более безболезненное внедрение положений. Однако скажем: не вина, а беда Никона в том, что он не имел такого количества своих образованных последователей – проповедников, чтобы обеспечить массовое, быстрое и повсеместное разъяснение истинной православности своих и соборных трудов и определений. Беда Никона в том, что он “Слишком ранним был предтечею / Слишком медленной весны...”».

От себя же здесь добавим: *говоря о ставшем расхожим выражении в понимании церковно-реформационных действий Патриарха Никона, под реформационным должно понимать не внутрицерковную политику и проведенные книжно-обрядовые sprawy, а именно стремление Никона – Предстоятеля Церкви к реформированию системы государственно-церковных отношений, клерикальной политики государственной власти, если вообще можно так говорить в отношении данного периода.*

На основе легендарного материала, разукрасившего еще в XVII в. биографию Патриарха Никона, главного врага в глазах старообрядцев, «предтечи антихриста», в первой четверти XVIII в. была сложена старообрядческая «Повесть о рождении и воспитании и о житии и кончине Никона, бывшего патриарха московского и всея России. Собранная от многих достоверных повествователей, бывших во дни отец наших». Эта повесть должна была опровергнуть, по мысли старообрядцев, ранее ее сложенное «Житие святейшего Патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком» (Иваном Шушериным). Автор-старообрядец знал и это сочинение, и все легенды, изображавшие Никона предтечей антихриста. Не стесняясь в бранных эпитетах по адресу Никона, повесть изображает его «коварным лицемером», который «плени» царя и начал «восходить на толь высокия степени».

Новых легенд, относящихся к Никону, повесть не создает. В первой четверти XVIII в. уже остыло то непосредственное негодование, которое подсказывало пострадавшим от Никона современникам самые нелепые рассказы о нем, укреплявшие представление о Никоне – предтече антихриста. «Повести о рождении и воспитании» нашла живой отклик среди читателей, и списки ее встречаются еще в XIX в. К теме повести примыкают и неуклюжие вирши, которые до середины XIX в. возникали в разных углах старообрядческого мира, поддерживая мысль о Никоне-антихристе или предтече его».

Продолжение: <http://www.patriarch-nikon.ru/19/>